

ВИКТОР ПЕТРОВ

КОЛЫБЕЛЬНОЕ СЛОВО

*Поэзия есть принадлежность человека:
без неё он не может дышать.*

Н. И. Костомаров

*Баю-баю, о лю-лю,
Усыплю да удремлю...
Из народной колыбельной*

Сколько лет я читал записи колыбельных песен и не замечал их внутреннего затаённого богатства! Читал, как книгу, про себя, соскальзывая с плоскости листа. И вот произошло неожиданное. Прошлым летом, настезь растворив окно в палисад, стал я не читать, а напевать строки. Ветер оживлял листву яблоньки под окном, вызывая на ней и в моей душе зыбь. И началось чудо оживления народного Слова. Тут мне помогла моя мама. Из памяти всплыл её голос. Он звучал негромко и задушевно, и я услышал слова песни, так и не встретившейся мне в обширном фольклорном фолианте:

*Ой лю-лю, ой лю-лю,
Колотушек надаю,
Колотушек двадцать пять,
Будет Витя крепко спать...*

И, как в детстве, я погрузился в некое пограничное состояние сознания между явью и дрёмой. Мама подарила мне золотой ключик, которым и открылась дверь в мир колыбельного слова, до этого наглухо впечатанного в книгу собрания русской народной словесности.

Тот, кто в своём младенчестве слушал колыбельную песню, тот всю свою последующую жизнь будет, по крайней мере бессознательно, чутким к слову. И это в любом народе, поскольку душа у людей одной природы и поскольку существует общечеловеческое чувство прекрасного, а значит, и необходимого. Из всех традиционных жанров фольклора колыбельная песня в большей или меньшей степени присуща всем языкам, этносам, что косвенно говорит о её древности, вернее, изначальности. В ней исток поэзии, пробивающийся не только в отдельных индивидуумах, но и во всём человечестве. Даже при нынешнем общем угасании традиций колыбельная песня дольше других жанров фольклора удерживается в домашнем обиходе. Безусловно, она трансформируется, преобразуется, то обедняется, то обогащаясь, но не исчезает и,

дай-то Бог, никогда не исчезнет. Она является очевидной константой духовности, культуры, словесности, связующей воедино все эпохи, а посему неотребима. Невозможно войти в поэзию родного языка, минуя звучащее над люлькой материнское колыбельное слово. Если сравнить новорождённого с зерном, то в колыбельной песне заключена сила, зовущая к прорастанию, к движению вверх, к теплу и свету. К небу.

Как в благодатном чреве матери вынашивается плод будущего человека, так в тёплом уюте люльки-зыбки, окутанной атмосферой песни, ещё задолго до проблесков разума пробуждается в ребёнке душа. Она купается в её искренней заботе, дрожит в её ритмах от радости роста, постепенно осваивая родной язык задолго до произнесения первого слова.

Одна в избе русская печь, согревающая всю семью, одна в доме и люлька на всё подрастающее поколение. Старшие дети покидали колыбель, младшие занимали её. Сравнение русской печи и колыбельной песни приведено не для красного словца, оно, как мне представляется, имеет глубокий и символический смысл. Русские народы, оттеснённые к арктическим пределам, выработали особое чувство тепла и защищённости. Если долгими зимами не топить печи, то тепло исчезает, а с ним и жизнь. Отсюда и широкое применение в нашем языке прилагательного “тёплый”, относящееся и к слову, и к звуку, и к взгляду человека, и к разговору, и к отношениям между людьми, и к душе, и т. д. И это не дарованное самой природой, как у южных народов, а рукотворное тепло, впитанное с молоком матери, сформированное особым укладом быта и бытия.

“Печь” – слово не менее древнее, чем “колыбель”. Происходит оно от старославянского “пещь”, “пешть”. От него возникло слово “печора” (“пещера”), то есть укромное место, где можно укрыться от непогоды, согреться, почувствовать себя в безопасности. Известна поговорка: “Печь нам мать родная”. По Владимиру Далю, глагол “печь” означает “прогреть на огне” “либо в вольном духу нежидкую пищу, снедь, яство”. Пекли хлеб, пеклись о младенце. В стародавние времена часто телесное и духовное обозначали одним словом, извлекали из общего корня. Слова ещё не затвердели в понятиях и свободно плавали в объятиях речи. Когда хорошо на душе от песни или доброго разговора, говорили: “Словно у печки погрелся”. Младенца согревала колыбелька, а старца – лежанка на верху русской печки. Древнее попечение о ближних! Форма и того, и другого предмета традиционного народного быта – совершенны! Но люлька без материнского поэтического слова – что печь без огня.

Впеваюсь в колыбельные песни и оттаиваю, душа начинает петь, как ветер в печной трубе, дрожать, как медная печная заслонка, трепетать, как молодая листва моей яблоньки. Убаюкивающие звуки примиряют меня с реальностью, соединяют с вечностью, оставляя в душе следы, ведущие в жизнь бесконечную. Только надо не читать, а голосом, пением, интонацией воскрешать светлую магию:

*Люли, люлюшки,
О, о, о, о, о,
Коло!
О! о! баиньки —
О! баю, баю, баю!
Баю милую!
О, о, о, о, о, о, о!
Коло! Баиньки,
Баю Нинушку.*

В нашей родовой глубине, на генетическом уровне, рождаются чувство и образ, уводящие в магическую древность. И становится ясно, что в любом поэтическом произведении важны не только слова, но и чувство родного голоса, его оберегающая и согревающая интонация, ритмическая уютность, нежно и взволнованно разливающаяся по телу. Колыбельное слово проникает в туманный внутренний мир младенца, поднимает в нём духовное солнце и побуждает к росту.

Словом “колыбель” обозначали круговое движение, подобно тому, как по небесному кругу солнце (коло, колесо) видимо обходит землю. Этимоло-

гически оно родственно словам: колевать, колыхать, зыбить, лелеять, то есть покачивать и нежно оберегать. И это покачивание обязательно сопровождалось голосовым пением. Корень “коло” проступает во многих словах, например: колокол, коляда, колодец. Возможно, в поэтическом сознании предков колыбель (люлька, зыбка) представлялась особым душевным колодцем, обеспечивающим рост ребёнка, который вновь и вновь наполняется живой водой родной речи. Не случайно же в народе говорят: каков в колыбельку, таков и в могилку. Для прояснения этой поговорки потребовалось бы целое исследование. Сейчас лишь замечу, что тема рождения-взросления и тема старения-смерти в народном сознании составляют единый круг жизни, её коловорот, а мотив смерти мыслился, как это ни покажется странным, как элемент оберегающей младенца магии, как своеобразное зачатие жизни смертью:

*Баю, бай да люли,
Хоть сегодня умри.
Сколочу тебе гробок
Из дубовых досок.*

*Завтра мороз,
Снесут на погост.
— Бабушка-старушка,
Отрежь полотенце
Накрыть младенца...*

Замечу, что в слове “сколочу” проступает магическое созвучие “коло”. И ещё отмечу, что колыбель по своей форме схожа с погребальной ладьёй.

Колыбель — особый предмет старинного русского обихода, ныне в первоизданном виде сохранившийся, пожалуй, лишь в этнографических музеях русского Севера. Она напоминает некий старинный народный музыкальный инструмент. Качая зыбку, мать словно перебирает струны гуслей, напевая, убаюкивая ребёнка своим вещим словом, а потом, когда дитя засыпает, с помощью пения отправляется в воображаемый мир лучшего будущего, сбрасывая с себя тяготы реальной жизни. Действительно, перед нами сложнейший поэтический “инструмент взросления” и успокоения человека, причём как ребёнка, так и взрослого.

Стенки люльки мастера украшали деревянной резьбой и разрисовывали яркими узорами и картинками. Изображались по бортам люльки райские птицы, поющие на мировом древе жизни, горлицы, курочки, петушки, коньки-горбунки. Предполагалось, что они оберегают дитя от всяческого зла. Обычно на люльку накрывали старую мамину юбку. Считалось, что материнский запах успокаивает дитя. Отсюда и поговорка: рос под маминой юбкой. Колыбельки украшали бархатными тесёмками, занавешивали кружевами, превращая их в подобие театра русских скоморохов. Пение над люлькой становилось своеобразным театрализованным представлением, было на виду у домашних. Колыбельная песня воздействовала на всех домочадцев, врезалась в память, передавалась из поколения в поколение, создавая традиционную атмосферу светлой жизни, добра и красоты, усиливая поэтическую составляющую колыбельного слова.

Буквально все жанры фольклора несут в себе отголоски, тонкое эхо колыбельной поэзии. Не вызывает сомнения, что эта поэзия восходит к языческим временам, к ворожбе, охранительной магии. Об этом говорят и изображения-обереги, символы древнего волхования, и сами образы песен. Не стоит православному человеку этого опасаться. Красота спасительна для младенческой души, восходящей к истинной поэзии. И Василий Розанов говорит (“Опавшие листья. Короб первый”): “Язычество есть младенчество человечества, а детство в жизни каждого из нас — это есть его естественное язычество. Так что все мы проходим “через древних богов” и знаем их по инстинкту”.

Мать прикасалась к ребёнку, как музыкант к струнам, дитя мирно и мерно качалось в колыбели. Мера слова угадывалась женским опытом и чутьём. Выйдя из водной среды материнского чрева, с ещё не развившимся слухом, новорождённый попадал в воздушную среду ритмично качающейся колыбели. Это более нежный переход к автономной жизни, нежели ныне: на стол роддома, в плоскость кровати, в первое транспортное средство человека — коляску.

При этом в новорождённом естественным образом формировалось особое чувство – “чувство равновесия”, позволяющее различать “мельчайшие вариации силы тяжести, покрывающие, подобно ряби на океане, вездесущее поле тяготения” (Борис Белоголовый, “Шестое чувство”).

“Баю-бай” – самое частое словосочетание колыбельных песен. От этого старинного звуко сочетания родилось слово – обаяние (о-бая-ни-е). С младенчества человек попадал под обаяние ничем не заменимого материнского слова. Тем самым осуществлялся первый шаг к восприятию языка поэзии, а в дальнейшем – и к самостоятельному словесному творчеству:

*Сходитесь ночевать,
Моё дитячко качать,
А вы, санные девушки,
Прибаюкивать.
Баюшки, баю,
Баю детку мою!..
Спи, усни,
Бай, бай, бай!
Угомон тебя возьми.
Баюшки, баю,
Люлюшки, люлю!*

*Баю, побай,
Да ржаной каравай.
Спи, дитя, мило,
Нам не надобно ино.*

Звуко сочетанием “баю” на Руси издревле обозначали певучую поэтическую речь, а поэтов называли “баянами”, которые своим пением приносили утешение страждущим. С принятием христианства “баяние” стали воспринимать как синоним волшебства, наследие “тёмного” язычества. В современном многотомном словаре русского языка XI–XVII веков есть множество тому подтверждений: “бая и дивы творя”, “баснями баяху”, “бают тихо, чтобы не накликасть лиха”. Слово “басня” родственно этому древнему “баю”. И сегодня можно услышать в русских деревнях: “Не прибасай”, – то есть не рассказывай небылиц, басен.

Колыбельную песню не считали байкой, отдавая должное очевидной пользе поэтической магии при первоначальном погружении ребёнка в богатства родного языка:

*Баю, бай да побай,
Ты, собачка, не лай,
Белолапа, не скули,
Нашу Машу не буди.*

Колыбельное слово, зародившееся в глубочайшей древности, донесено женщиной-матерью до исторических времён, обновляясь, но не теряя своей мощной силы. Оно органично вписано во всё многообразие традиционного русского быта, труда и праздника, и относиться к нему необходимо не только как к тексту, но и как к театрализованному действию. И в райке, и в колыбельной песне обитают и действуют устойчивые персонажи: Сон, Дрёма, Угомон, Сикорёк-Сикорец (косец), Кот-Баюн, а также бабушка-старушка, соболь, собачка, корова, лисица, ласточка, конёк и другие. Со многими из них ребёнок позже встретится в волшебных сказках. Героем колыбельной песни является и сам адресат, называемый по имени, данному ему от рождения. Все они действуют в пространственно-временных декорациях, среди привычных предметов домашнего обихода.

Колыбельные песни всегда оснащены припевом, полны повторов и порой длинны по словесному наполнению и времени исполнения. Когда дитя засыпало, колыбельная ещё долгое время звучала, плавно переходя в лирическую песню, варьируясь до бесконечности, а при внезапном пробуждении младенца, плаче вновь начиналась с припева.

*Сон идёт по сеням,
Дрёма по терему,
Сон говорит:
— Усыплю да усыплю! —
Дрёма говорит:
— Удремлю да удремлю! —
Ищет-поищет Софьюшку мою,
Где найдёт, тут и спать укладёт...
По полу, по лавочкам
Похаживает,
Ванечке в зыбочку
Заглядывает...
Приди, котик, ночевать,
Малютку колыхать.
Ишёл котик по лавке,
Нёс малютке баранки;
Ишёл по дорожке,
Нёс сапожки;
Ишёл котик с заморья,
Нёс малютке здоровья...*

Круг образов-персонажей колыбельной песни век от века пополнялся новыми действующими лицами, расставался с устаревшими героями. Любопытно, что фигура отца в колыбельных песнях практически отсутствует. Это свидетельствует о том, что творцом колыбельного слова была женщина, которая по народно-педагогической традиции отвечала в семье за воспитание детей обоего пола до семилетнего возраста. Нет в колыбельных байках и образов языческих богов. Вероятнее всего, они были вытеснены историей, но, возможно, в их присутствии матери не чувствовали необходимости. А вот христианские образы и лица густо населяют духовное пространство колыбельной песни:

*Успения Мать,
Уложи младенца спать
На тесову на кровать.
Уложи, усыпи
На всю тёмну ночь.
Как я байкала, качала
И Успенью завичала.
Богородица Мария,
Уложи дитя скорее
На всю тёмну ночь,
На весь белый день,
Да на всю тёмную ночь.
Как я байкаю, хожу,
Да никому я не скажу;
Как я байкала, качала,
Божьей милости начало.*

Христианские мотивы свободно сопровождаются в колыбельной песне языческими припевками, архаичными словами, устаревшими образами, что характерно для всей тысячелетней русской поэзии: “О лю-, лю-лю, лю-, лю-лю, лелюшки, лю-лю баюшки, баю”, а рядом — “Спи-ко ты, дитяtko, с Богом, со Христом”:

*Все хранители с тобой,
Спас, Микола над тобой,
Спас, Микола в головах —
Крестна сила на грудях.
Михайло Архангѣв
Да со ангелами,*

*Кузьма и Демьян
Со апостолами —
Они тебя хранят,
Они и милуют
От болезней, от скорбей,
От тяжёлых болестей.*

Подчас в колыбельных песнях разыгрываются настоящие мистерии, сближая их как с духовными стихами, так и со сценами из народного театра, применяясь, скорее всего, в качестве особой пропедевтики религиозного воспитания:

*Бог тебя дал —
Христос даровал,
Пресвятая Похвала
В окошечко подала,
В окошечко подала,
Иваном нарекла:
— Натя-тко
Да примите-тко
Моё дитячко...
Баю, баюшки, баю,
Нет ли местячка в раю,
Хоть на самом на краю?
В раю ангелы поют,
К себе деточку зовут...*

Есть в колыбельной песне изысканная рифмовка, особая сердечная интонация, словесная чистота, разлитая в звуках чутко настроенных слов, сказочно-языческая и божественно-ангельская, и простая, светлая материнская любовь:

*Баюшки, баю!
Я сугревушку свою,
Я сугревушку свою,
Я к чему примерю?
Примерю теплу
Свою сугреву,
Летом — к алому цветочку,
Зимой — к белому снежочку.*

С ходом исторического времени меняется и колыбельная песня, наполняясь новыми реалиями, например, ценностью денег, золота, развлекательных скоморошьих потех. Может быть, это служило простым пожеланием новорождённому человеку лучшей доли в изменяющемся не в лучшую сторону окружающем мире:

*Уж я зыбочку качаю,
Сына мила усыпляю;
Когда Санишка уснёт,
На базарчик я пойду,
На базар, на ярмарку.
Что мне в лавочке приглянется?
Приглянулась мне-ка люлечка,
Я за люлечку два грошика дала,
За лучок — пятачок,
За верёвочку — копеечку...
Баюшки, баю,
Баю детку мою!
Вырастешь большой,
Будешь счастливый, талантливый.
Будешь в золоте ходить,*

*Золоты кольца носить,
Золоты кольца носить,
Камку волочить,
А обнопочки будешь дарить
Мамушкам, нянюшкам!
Баюшки, баю,
Баю детку мою!*

В колыбельном слове мать или нянька изображают огромный мир. Они не задаются единственной целью – убаюкать младенца, но раскрывают перед ребёнком свою душу, повествуют о радостях и бедах современной им жизни, вливают в древние ритмы новое содержание, раскрепощая своё воображение, творят искреннюю поэзию, вступив на путь свободных художественных ассоциаций. Казалось бы, зачем? Ведь ребёнок не понимает смысла песни, мал ещё. Но разве мы, взрослые, понимаем, “о чём поёт ветер?” (Александр Блок). Вот так же и мать пела над колыбелью, раскрывая свою душу, согревая дитя своим выстрадавшим теплом.

Особенно важно, что пелись и младшим, и старшим детям, по сути дела, одни и те же песни, они естественно, на бессознательном уровне, входили в память ещё во младенчестве, а потом, в более зрелом возрасте, воспринимались вполне осмысленно как что-то интуитивно знакомое, родное. Так входила народная поэзия, речевое богатство родного языка в сердечную сокровищницу русского человека.

Только единство поющего и слушающего делает поэтическую речь притягательной. А слушать и не перебивать на Руси умели. Колыбельная песня и её исполнение были вне критики и запрета. Она достигала видимой цели – младенец засыпал, и вся семья вздыхала с облегчением. Но параллельно этой утилитарной задаче достигалась невидимым образом и духовная цель: освоение богатств отечественной культуры.

Первый собиратель русской народной словесности Пётр Киреевский, прекрасно знакомый с фольклором западноевропейских стран, заметил: “Едва ли есть в мире народ певучее русского”. Он знал, что говорил. “Собрание народных песен П. В. Киреевского” (1831 год) – первоначальный капитал особой русской духовности и душевности. Сохранился черновик вступительной статьи к первому тому этого грандиозного свода, написанный А. С. Пушкиным, который, кстати, передал Киреевскому свои записи великорусских песен. В нём поэт называл разнообразные жанры устного народного творчества “лестницей чувств”. Вот на этой лестнице первой ступенью и является колыбельная песня.

Качаясь на волнах колыбельного слова, младенец бессознательно и естественно, как эхо, впитывал с молоком матери и развивал способность к неслышимому, но видимому (сочувственное выражение глаз, таинственное движение губ, отклик на ласку и т. д.) внутреннему диалогу с самим собою. И это задолго до формирования речи-общения. Говорить с другими – проза. Говорить с Богом – молитва. Поэты высоко ценили “безыскусное” песенное слово. Прикоснуться к нему, по выражению поэта Николая Языкова, не больше и не меньше, как “душу освежить”. С этим невозможно не согласиться! Не случайно многие русские поэты – А. Плещеев, Н. Майков, М. Лермонтов, А. Фет, Н. Некрасов, А. Блок и другие – писали свои “Колыбельные песни”.

Для нас, привыкших к крепкому градусу книжной поэзии, колыбельная песня, в лучшем случае, оставляет ощущение лёгкого хмеля от молодой браги. Нет в ней плотного метафоризма, изощрённой ритмики и рифмовки, нет витиеватых сюжетов, политической позиции. И вот мы, минуя первую ступень “лестницы чувств”, отлучаемся от истоков поэзии. Спасти безнадёжное положение может лишь колыбельное слово, возвращённое в младенчество наших детей, безропотно и самозабвенно впитывающих его с молоком матери. В детском саду и школе это лучшее время для формирования поэтического чувства будет уже упущено. Да кто сегодня будет петь традиционные народные колыбельные песни, те единственные, что воспитывают певучесть души? В лучшем случае – наушники на голову и погромче то самое, что и взрослого сбивает с пути природного поэтического развития. Вот и ситуация, когда современный человек не то чтобы другого, но и сам себя не слышит. То, что для западной культуры – правило, то для нас – беда. Картина абсурда просмат-

ривается не только на межличностном, но и на межгосударственном уровне. Поэтому в нынешних стихотворных произведениях нарастает усложнённость, алогичность, нарочитая запутанность, отсутствие адресата, политизация. Пифии в Элладе и то были вразумительнее! Но подделки под народную традицию недопустимы. Как-то я с изумлением прочёл современную авторскую колыбельную: "... Месяц скрылся в облака // под стрельбу с телеэкрана".

Русская душа излучает поэзию в силу своей природы, можно сказать, генетически, на основе выработанного множеством поколений чувства колыбельного равновесия – первого из основных чувств народившегося человека. И это наследие ныне ветшает. Поэт засыхает на корню, когда отделяет себя от слушателя (читателя, умеющего слышать) и замыкается в своём "гордом" одиночестве. Это своего рода безумие. Представьте картину: мать поёт колыбельную, качая люльку, а в ней – пусто!

В колыбельной песне слово зыбко, легко переставляется с места на место, поддаётся контаминации, инкрустируется древними и вновь появившимися словами, звукосочетаниями, каламбурами. Гибкость и подвижность её не знает границ. Она выполняет главную свою миссию – гармонизирует дух, пробуждает к росту душу, озаряет её любовью.

Язык колыбельной песни оживает не в печатном виде, не в записи, но в душе матери, а душа раскрывается в голосе. Песня поётся, а не читается, она отражает состояние души и всякий раз звучит по-новому, как бы заново создаётся, а не воспроизводится по памяти. Звучащее слово всегда отличалось от письменного, навечно застывшего в знаке. И когда звуки и буквы сливаются в певучей душе – начинается поэзия. Она – цветение и плодоношение родного языка, освежающий культуру ливень. Звук стремится запечатлеться в знаке (букве), а буква – обратиться вновь в форму звука. Таков круговорот поэзии в языке. А. С. Пушкин на вопрос: "Что такое поэзия?" – отвечал: "Поэзия определяется по своей цели, а цель поэзии – поэзия". Колыбельная песня, лишённая поэзии, – пустой звук.

Нельзя, хотя бы вкратце, не остановиться на сопутствующих колыбельному слову жанрах фольклора, также созданных женщиной, но предназначенных уже не для внутренних чувств засыпающего ребёнка, а внешних чувств пробуждающегося для бодрой деятельности малыша. Речь идёт о пестушках, потешках и прибаутках, соединяющих колыбельную песню с русской народной сказкой. Цель их не в воспитании души и сердца, а в развитии тела и ума. Если оставить за границей эссе этнопедагогический аспект и обратиться к поэтической составляющей этих народных миниатюр, то откроется пиршество материнской поэзии: яркое словотворчество, остроумие, ритмическая упругость, игровая изобретательность, неожиданная образность. Едва ли в мире найдётся народ, создавший столь бесподобную устную словесность!

Примеров простейшей и такой яркой, запоминающейся поэзии – целые тома текстов, собранных и прокомментированных исследователями фольклора. Оздоровительная магия? Возможно. Однако уже в античной древности философы открыли врачующую силу поэзии, стихотворного ритма, образного слова ("Очищения Эмпедокла"). Знали об этом и в Древней Руси. Если колыбельная песня – росток поэзии, то пестушки-потешки – цветочки, а лирические и эпические песни – плоды, безусловные поэтические ценности, признанные всем миром. Но если бы колыбельное слово не зародило в младенце чувства меры и поэзии, то и русской певучести не из чего было бы расти.

Колыбельные песни записаны собирателями с голоса и зафиксированы в свободной стихотворной форме. Как в истинном поэтическом произведении, эта форма не задана извне, а рождена душевным порывом, вдохновением творца песни и сообразно особенностям внутреннего мира младенца. Форма эта устоялась, но если взять её как некий сосуд и наполнить абсолютно новым содержанием, то колыбельной песни не получится. В поэзии нет вопроса о первичности формы или содержания. Они как вдох и выдох. Так дышит и поэзия материнского, колыбельного. Как сказал Гёте (перевод Вяч. Иванова), "В духе формы стройных песен, // В сердце песен жизнь и жар".

Когда ребёнок засыпал и даже уже спал довольно крепко, пения не прерывали, а содержательную составляющую колыбельной лишь усиливали. Казалось бы, зачем? Цель-то достигнута. Младенец спит. Значит, не в этом заключена цель колыбельного слова. Думается, уже в доисторические времена люди открыли воспитательный эффект поэзии. Дети, лишённые живительной

атмосферы колыбельного слова, развивались слабее, были беднее душевно, менее красноречивы, чем их более счастливые одногодки. Более того, именно в пограничном состоянии между сном и бодрствованием воздействие колыбельного слова на младенца оказывалось наиболее эффективным. Ветхозаветные мудрецы высоко оценивали это переходное состояние, считая, что именно в такие мгновения младенца посещают ангелы, святые небожители, обостряя его внутренние потенции, раскрывая дар божественного слова. В “Книге Иова” (33) читаем: “Бог говорит однажды, и если того не заметят, в другой раз: во сне, в ночном видении, когда сон находит на людей во время дремоты на ложе. Тогда он открывает у человека ухо и запечатлевает своё наставление, чтобы отвести человека от какого-либо предприятия и удалить от него гордость, чтобы отвести душу его от пропасти и жизнь его от поражения мечом”. И совсем не случайно многие колыбельные песни сродни вечерней и утренней молитве.

Несомненно, что образование человека, душевное, а затем и умственное, начинается с поэтически и музыкально оформленного колыбельного слова, звучащего в “тонком сне”, на границе сна и бодрствования. Современное воспитание подрастающего поколения лишилось этого начала, как и самой зыбки-колыбели. Ещё в начале позапрошлого века А. С. Пушкин горько сожалел, что устная народная словесность исчезает “в дыму столетий”, что же говорить русскому человеку начала третьего тысячелетия!

Музыку языка, азы звучания, слово-звук, хорошо темперированную поэзию – вот что открывает нам материнская колыбельная песня. Она если и не начало и внутренняя основа поэзии, то, несомненно, волшебное мгновение пробуждения поэтического чувства, врата в родной язык.